

расширяться. Уже не место рождения, а культура разделит две группы. Одну из них составят придерживающиеся варварской схоластики, опозоренной Петраркой, другую — все любители вновь обретенных латинского красноречия и античной литературы. Так что «схоластика» и «варварство» станут синонимами. Истории культуры останется только завершить этот труд, идентифицировав «схоластику» и «средние века», как будто от Алкуина до Петрарки учебные заведения были заполнены лишь диалектиками — врагами изящной словесности. Петрарка сражался за определенное дело, и нетрудно понять, что он пользовался очень сильными аргументами, чтобы отстоять его; но у истории иные обязанности: может быть, уже настало время, чтобы она привыкла к более тонким различиям в этом вопросе.

Ожидал ли Петрарка для себя хорошего будущего или нет, но для его ведущих идей пришло свое время, и они тотчас обрели в Италии решительных сторонников. Тем не менее начатая им борьба продолжалась уже на другой почве. Восстание Италии против варваров не могло продолжаться вечно — множество последних добровольно и охотно принимало традиционную культуру Рима. Ректором анафематствуемого Петраркой

Часть 32.

552 Глава X. Возвращение светской литературы и итоги философии средних веков

Парижского университета был один из его соотечественников и друзей — Роберто де Барди, пригласивший его в Париж для получения венца поэтов. Борьба, развязанная Петраркой, продолжалась в Италии, на пограничной территории, но по-другому, чем раньше; впрочем, он сам приложил к этому некоторые усилия. Именно во Франции изящные искусства одержали победу над диалектикой; в Италии они служили мишенью для враждебно настроенных монахов, которые во имя чисто религиозных принципов нападали главным образом на классическую поэзию. Вергилий, Гораций, Овидий виделись им тем самым язычеством, которое христианство стремится уничтожить, — отношение, на двести лет отставшее от позиции Бернарда Шартрского, но тем не менее представлявшее собой не менее актуальную проблему для Петрарки и его современников. К счастью, то была очень древняя история. Письмо св. Иеронима Магнусу раскрывало неприступную позицию, преимущества которой сразу заметили защитники поэзии и поспешили занять ее.

С начала XIV века Альбертино Муссато (ум. в 1329) вступает в ожесточенный спор с доминиканцем Джованнино Мантуанским, который обвинял классических поэтов в противоречии с христианской теологией. На это Муссато ответил, что классическая поэзия есть лишь иная форма философии или, лучше сказать, примитивная форма теологического знания, впервые предлагаемая людям под покровом аллегории. Именно на этой почве вскоре развернется жестокая борьба в Италии — между сторонниками античной литературы и теологами. После Муссато Петрарка защищает аналогичную позицию в одном из своих писем «О делах семейных» (*Кегшп familiarium*, X, 4), где он отстаивает мысль, что теология — это лишь поэзия, объектом которой является Бог («*parum abest quin dicam theologiam poeticam esse de Deo*»^{*}). Разве Священное Писание не заполнено поэмами и стихами, в которых священные авторы используют всевозмож-

ные размеры и ритмику? Моисей, Иов, Саломон, Иеремия — поэты, а Давид — в еще большей степени, так что его с полным правом можно было бы назвать христианским поэтом. После Петрарки ту же тему подхватывает и подробно развивает Боккаччо (1313—1375) в XVI книге своего труда «о генеалогии языческих богов» («*De genealogiis*